

росписи: «Роспись городом которые имал ... Алексей Михайлович... своим походом и царским величеством и счастием и грозюю».

Иногда авторы добиваются особой значительности росписи за счет контекста произведения, к которому роспись приложена. Например, в летописи Двинской в списке конца XVII—начала XVIII в. к статье под 1691 г. об освящении соборной Преображенской церкви на Холмогорах приложена хозяйственная «смета» — «Сколько же к тому строению принято... припасов и что куплено... и по какой цене...».²⁷ Но это не простая, а, так сказать, торжественная роспись, рассчитанная на то, чтобы произвести впечатление на читателя сведениями о количестве затраченных средств. Пусть этих средств затрачено относительно и не так много, но в тексте перед «сметой» летописец постоянно подчеркивает исключительность мероприятия: подробно говорит о ходе строительства, высчитывает с точностью вплоть до одного дня, сколько времени строили церковь, перечисляет ее особые признаки («...каменная, первая, самим создателем преосвященным Афанасием архиепископом» освященная), указывает подробно ценности, в ней хранящиеся. На этом фоне «смета» — очень подробный перечень количества железа, кирпичей, извести и пр. — приобретает особую значительность.

Сходный эффект находим в одном из списков «поэтической» Повести об Азовском осадном сидении (БАН.32.11.7), в котором после слов, заканчивающих повесть, — «Будет во веки славна лавра Предтечева» — добавлена роспись: «И после тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азов для осадного сидения: 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелья, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублей».²⁸ Но на фоне фантастических цифр повести и эта роспись выглядит фантастической.

Своеобразное осмысление получает роспись в одной летописной записке конца XVII в. о стрельцком бунте.²⁹ К статье под 19 мая 1682 г., рассказывающей о судьбе К. П. Нарышкина, приложена «Роспись, которые по стрельцкому приговору розсланы были по розным городам». Речь идет о сосланных боярах и боярских детях, но роспись имеет не просто справочное значение, так как перечисляет сосланных в сибирские города бывших «сильных мира сего» в контексте общего рассказа о том, как неожиданно круто повернулась судьба богатых и знатных: дьяка пытаются стрельцы («Дьяка Михайла Вешнякова по доводу людей ево пытали стрельцы»), боярин земно кланяется стрельцам («боярин Кирила Полуехтович трожди стрельцам в землю челом»), боярское имущество ценится самой дешевой ценою («А которых баяр и думных стрельцы порубили и животы их... переписаны и оценены самую дешевою ценою»), отрубленные боярские головы носят со всякими гадинами («И голову...нося, на копые взоткнули на долгой жа шест, где висели не знама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти»³⁰). Роспись наравне с основным текстом продолжает тему поворота в судьбе знатных людей.

Итак, литературным итогом углубления связей прилагаемого документа с основным произведением было то, что в конце XVII в. на приложение иногда стал как бы падать повествовательно-стилистический ответ основного произведения. Такой литературный результат, несомненно, менее зна-

²⁷ Л. П. Титов. Летопись Двинская. М., 1889, стр. 58—61.

²⁸ Русские повести XVII в. ГИХЛ, 1954, стр. 73.

²⁹ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в. — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 448—456.

³⁰ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в., стр. 451, 453.